

3. Популярными являются имена французского происхождения, которые легко соотносятся с соответствующими английскими именами: так, *Seán* (Шон), происходит от старофр. *Jehan* (Жеан, Жан) и соотносится с английским *John* (Джон); *Siobhán* (Шевонн) от старофр. *Jehanne* (Жеанна, Жанна) – с английским именем *Jane* (Джейн); *Sinéad* (Шинейд) от старофр. *Jehanette* (Жеаннетт, Жанетт) – с английским именем *Janet* (Джанет).

4. Многие имена ирландского происхождения видоизменились и стали использоваться в английском языке автономно (особенно в американском английском). Например, имя *Kevin* (Кевин) происходит от ирландского имени *Caoimhín* (от древнеирл. имени *Coemgen* ‘благородного происхождения’), причем в ирландском есть и женский вариант этого имени – *Caoimhe* (Кива). Носитель имени может и не подозревать о связи своего имени с ирландским прототипом, следовательно, для таких имен перевод на ирландский не применяется.

Таким образом, имена ирландцев, проживающих как в Республике Ирландия, так и за ее границами, передаются согласно специфическим правилам, связанным с их двуязычным употреблением. Правильное понимание таких имен на ирландском языке и их адекватное отражение на английском языке необходимо для эффективного межкультурного общения и предупреждения коммуникативных неудач.

С. А. Могилевцев

РЕФЕРЕНДУМ О ВЫХОДЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕВРОСОЮЗА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТРАНЫ

Состоявшийся в июне 2016 года референдум в Великобритании был предопределен рядом исторических и политических факторов. Интеграция Соединенного Королевства в европейский проект по объединению традиционно была непростым вопросом для политической элиты страны.

После вступления Великобритании в январе 1973 года в ЕЭС был проведен мониторинг общественного мнения по данному вопросу. Опрос показал, что только 38 % британцев одобряли членство страны в этой организации, 36 % опрошенных были против. Накал страстей в обществе был достаточно высоким, рассматривалась даже возможность выхода Великобритании из единого рынка. В течение года британские политики вели переговоры с представителями ЕЭС о предоставлении стране особого статуса в экономическом союзе. С целью изменения общественного мнения консервативным правительством была развернута массированная кампания в СМИ в поддержку участия Великобритании в европейском проекте. Состоявшийся в 1975 году референдум показал, что эта кампания оказалась успешной.

Однако уже в 1980-е годы британские политики в лице М. Тэтчер начали предпринимать усилия по нивелированию политических, экономических

и социальных последствий нахождения страны в ЕЭС. Ее преемник Д. Мейджор в ходе обсуждения Маастрихтского договора в 1992 году, трансформировавшего ЕЭС в ЕС, добился для Великобритании права не вступать в зону евро и не подписывать Европейскую социальную хартию.

В декабре 2011 года отношения между Великобританией и ЕС вновь обострились, когда Д. Кэмерон наложил вето на инициированное Францией и Германией межправительственное антикризисное финансовое соглашение, предусматривавшее ограничение бюджетных расходов членов ЕС. Британский лидер досрочно покинул евросаммит в Брюсселе, не добившись уступок для финансового сектора Великобритании. Вскоре он сделал заявление о том, что страна выйдет из Европейского Союза, если ее интересы будут и далее игнорироваться.

В январе 2013 года Д. Кэмерон сообщил о своем намерении обсудить с европейскими партнерами новые условия дальнейшего участия Великобритании в ЕС. В случае провала переговоров он пообещал провести национальный референдум по вопросу возможного выхода страны из ЕС.

В феврале 2016 года переговоры о новых условиях членства Великобритании в ЕС завершились. «Новые условия» подразумевали следующее: 1) иной порядок назначения пособий иммигрантам, прибывшим в Великобританию; 2) ограничение въезда на территорию страны иммигрантов из государств, не входящих в Евросоюз; 3) освобождение Великобритании от перечислений в бюджет ЕС финансовых средств, направленных на поддержку проблемных экономик еврозоны; 4) действующие политические соглашения между членами ЕС либо новые договоры, предусматривающие дальнейшее политическое сближение членов этой организации, не будут касаться Великобритании. Однако коллеги Д. Кэмерона в правительстве и в парламенте подвергли критике достигнутые им *предварительные договоренности, не имевшие* юридической силы. На политическом горизонте страны замаячила перспектива референдума о дальнейшем членстве Великобритании в ЕС.

Полагая, что победа на еврореферендуме это решенный вопрос (как и в случае с референдумом в Шотландии в 2014 году), Д. Кэмерон назначил плебисцит на год ранее планировавшегося срока, на июнь 2016 года. Однако возглавляемая им агитационная проевропейская кампания проводилась вяло и неубедительно. Результаты референдума, в котором приняли участие более 70 % взрослого населения страны, стали шоком для Д. Кэмерона и его сторонников. Британские избиратели, уставшие от проводившейся консерваторами в течение длительного времени политики бюджетных сокращений, урезания социальных льгот и заработных плат, наступления на права работающих, вынесли вотум недоверия правящей партии и ее лидеру.

Каковы же *политические последствия* референдума 2016 года для Великобритании?

1. Референдум вызвал политический кризис в стране: Д. Кэмерон ушел в отставку, что повлекло за собой поиск нового лидера консервативной

партии и, соответственно, нового премьера. Руководителем партии была избрана Т. Мэй, которая автоматически стала премьер-министром, не одержав победы на парламентских выборах.

2. В течение года британское руководство пребывало в состоянии шока, не понимая, куда двигаться дальше. Возникла необходимость срочной реализации запасного плана развития событий после референдума, так называемого *плана Б*. Однако подобного плана у Т. Мэй и ее сторонников не было. Создание в июле 2016 года министерства по выходу из Европейского Союза, основной задачей которого является осуществление переговорного процесса с соответствующими структурами ЕС, достаточно сложно назвать реализацией этого плана.

3. Поскольку значительная часть населения Шотландии (62 %) в ходе референдума высказалась против выхода Великобритании из ЕС, премьер-министр Шотландии Н. Стерджен заявила о намерении провести второй референдум о независимости этой страны в конце 2018 года, до завершения переговоров с ЕС. Территориальная целостность Соединенного Королевства оказалась под угрозой, поэтому Т. Мэй поспешила сделать заявление о том, что до завершения переговоров о Брексите новый референдум о независимости Шотландии состояться не может.

4. В июне 2017 года в Великобритании прошли досрочные парламентские выборы, с помощью которых Т. Мэй надеялась укрепить свои позиции внутри страны и на переговорах с ЕС. Однако ее расчеты не оправдались: консерваторы потеряли большинство в парламенте, а политический вес и влияние Т. Мэй были значительно ослаблены, чем поспешили воспользоваться представители ЕС на переговорах по вопросу о Брексите.

5. В качестве политического условия для начала переговорного процесса по поводу «бракоразводного процесса» Великобритании с ЕС было предложено внести в бюджет этой организации 50 миллиардов фунтов. Данная сумма включает членские взносы страны и прочие платежи в бюджет Евросоюза до конца 2020 года. Британцы с таким условием не соглашались (министр иностранных дел Б. Джонсон посоветовал европейцам «идти куда подальше»), поэтому переговорный процесс зашел в тупик. Однако в декабре 2017 года Т. Мэй дала принципиальное согласие на выплату страной «бракоразводных денег» при условии снижения данной суммы до 35–39 миллиардов фунтов. Тем не менее коллеги по партии обвинили ее в предательстве интересов страны.

6. Следующим политическим препятствием на пути переговоров о Брексите является проблема статуса границы между Ирландией и Соединенным Королевством. Поскольку Великобритания заявила о своем выходе из Таможенного союза ЕС и единого рынка (что означает реализацию так называемого жесткого Брексита, сторонником которого является Т. Мэй), встает вопрос об установлении таможенного и пограничного контроля между Северной Ирландией и Республикой Ирландия. Евросоюз настаивает на введении пограничного и таможенного контроля между Северной Ирландией

и Великобританией. В этом случае Северная Ирландия остается в таможенном союзе и едином рынке и приобретает особый статус в Соединенном Королевстве. Если это произойдет, на получении подобного статуса настаивает и Шотландия. Однако такой вариант не устраивает британского премьера, поскольку это означает нарушение территориальной целостности страны. Еще одним вариантом рассматривается заключение специального соглашения в отношении Северной Ирландии, что позволит сохранить открытую границу между этой частью Великобритании и ее южным соседом. В этом случае на Северную Ирландию будут распространяться таможенные условия Республики Ирландия и, следовательно, ЕС.

7. В марте 2018 года Т. Мэй заявила, что в ходе переговоров с ЕС она желает обсудить вопрос «таможенного партнерства» с ЕС с целью снижения таможенных пошлин и избежания таможенного контроля на границе. Она также полагает возможным сохранить особый статус в ЕС финансового сектора страны и Лондона как финансовой столицы Европы. Однако эксперты скептически отнеслись к подобной идее, подчеркнув, что Великобритания желает сохранить преимущества членства в ЕС и отказаться от своих обязательств перед этой организацией.

Среди *экономических последствий* референдума для Великобритании можно назвать обесценивание стоимости фунта стерлинга на 10 %; рост инфляции в стране с 0,4 % в июне 2016 года до 3,1 % в декабре 2017 года (что повлекло за собой рост цен на продукты питания и топливо); снижение темпов роста ВВП в краткосрочной перспективе с 2,8 до 1,9 % (что ниже, чем в остальных странах ЕС, кроме Греции и Дании). Прогнозируется также, что вследствие снижения экономической активности Великобритании, вызванной ее выходом из ЕС, ежегодные потери экономики страны до 2021 года составят 72 миллиарда фунтов. Кроме того, снижение уровня миграции (которая в течение года после референдума сократилась на 40 % из стран ЕС) будет означать сокращение ВВП страны еще на 0,1–0,2 %. Многие британские компании уже испытывают проблемы с набором рабочих рук, поскольку ряд польских мигрантов покинули страну.

Достаточно туманно будущее японских и американских автоконцернов, находящихся в Великобритании. В феврале 2018 года посол Японии в Великобритании сделал заявление о том, что в случае повышения таможенных пошлин на собираемые в Великобритании японские автомобили, их производство будет перемещено в другие страны ЕС. Американская компания «Форд» также заявила о своих планах закрыть два автомобильных завода в Великобритании в связи с неясными экономическими перспективами. Это приведет к потере почти четырех тысяч рабочих мест. Парадокс заключается в том, что японские и американские предприятия размещены в регионах Англии, где наибольший процент голосов, отданных за выход страны из ЕС. Владельцы компании «Ровер» в начале апреля также заявили о закрытии одного из заводов в связи с неопределенной экономической ситуацией, складывающейся в стране после референдума 2016 года.

Подобное развитие событий тревожит и рядовых британцев. Проведенный осенью прошлого года опрос общественного мнения компанией YouGov показал, что 46 % опрошенных полагают, что в июне 2016 года следовало голосовать по-иному.

Во второй половине текущего года Т. Мэй и ее правительство ожидают серьезные политические потрясения, поскольку британские парламентарии, в том числе от консервативной партии, не согласятся с политически и экономически опасным вариантом «жесткого Брексита», на котором настаивает антиевропейски настроенная группа политиков в руководстве страны.

События могут развиваться по двум сценариям. П е р в ы й вариант – это сокрушительное поражение правительства в ходе голосования в парламенте по вопросу реализации «жесткого Брексита», следствием которого станут политический кризис в стране и созыв досрочных парламентских выборов. В т о р о й вариант подразумевает отказ правительства от жесткого Брексита и заключение соглашения с ЕС о переходном периоде, который будет продолжаться достаточно долго, что позволит британцам пользоваться преимуществами единого европейского рынка.

N. Rogozhkina

POST-BREXIT LANGUAGE EDUCATION IN GREAT BRITAIN

The UK demonstrates the paradox of multilingualism and monolingualism as a great variety of ethnic minority languages (Bengali, Panjabi, Urdu, Polish) are spoken but many English speakers show little competence in other languages. The British National Curriculum was published in 2014, but the four nations of the UK have taken different approaches towards language education appropriate to their linguistic circumstances.

In England compulsory age for foreign language learning is between 7 and 14, and language study is currently not required for either GSCE or A-level.

Scotland has been implementing an ambitious ‘1 + 2’ language education policy, with the aim of introducing every child to two new languages in addition to English by the end of primary school. It is intended that by 2020 every child will be entitled to learn a first additional language from the beginning of primary school (4/5) and a second one at age 8/9. The Scottish Government also has specific policies for the support of Gaelic.

In 2016 the Welsh government introduced its Global Futures strategy with the ambitious aim of making Wales ‘bilingual plus one’ and introducing foreign language teaching in primary schools as part of a new broad curriculum area encompassing both Welsh and English.

In Northern Ireland as in Wales, pupils are currently only required to learn a foreign language between the ages of 11 and 14.

Efforts to bring language teaching into primary schools have produced some good results and there is a growing realisation that an earlier start to language